

ВСЕВОЛОД ЛАЗУТИН

Российский государственный гуманитарный университет

ОТ ПОЭТА К ГРАЖДАНИНУ И ОБРАТНО: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛЕ ДЛЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ НИКОЛАЯ НЕКРАСОВА

Начальный период литературной деятельности Николая Некрасова после его приезда в Петербург в 1838 г. является наименее изученным этапом творческой биографии поэта. В значительной мере это обусловлено очень ограниченным количеством доступных и достоверных источников. Так, к примеру, переписка Некрасова, относящаяся к этому времени, практически не сохранилась. Кроме того, период с конца 1830-х по середину 1840-х гг. (вплоть до издания Некрасовым *Физиологии Петербурга*) считается моментом литературного ученичества и поденной литературной работы, обусловленной тяжелыми денежными обстоятельствами. Во многом такое мнение основано на отношении к своим ранним произведениям Некрасова, начавшего собственную поэтическую биографию с 1845 г. Именно этим годом датируются самые ранние произведения, включенные в его сборник *Стихотворения* (1856).

Между тем, очень многие аспекты как литературного поведения Некрасова, так и его поэтики в более поздние периоды творчества восходят точно к этому времени, например, знаменитое стихотворение *Поэт и гражданин*, открывающее сборник 1856 г., непосредственно связано с историей публикации ранней поэтической книги Некрасова *Мечты и звуки*.

Мечты и звуки выходят в свет в январе 1840 г. В течение первой половины 1840 г. книга получила восемь критических отзывов, из которых большинство были либо положительными, либо нейтрально-снихождительными по отношению к стихотворениям молодого поэта. Только две рецензии — Виссариона Бе-

линского в № 3 «Отечественных записок» за 1840 г. и Василия Межевича в № 16 «Литературной газеты» от 24 февраля 1840 г. — носили целиком отрицательный характер. Тем не менее, Некрасов счел свое произведение крайне неудачным и уничтожил практически весь его тираж. После этого он на несколько лет почти полностью отказывается от поэтического творчества, меняя свою литературную стратегию в направлении журналистики и беллетристики.

Вопреки устоявшемуся в литературоведении мнению, разгромная статья Белинского вряд ли имела решающее влияние на Некрасова в его уходе от поэтики ранних стихотворений. Сильнее задела молодого поэта статья Василия Степановича Межевича, о которой Некрасов вспоминал в 1877 г.: «Меня обругали в какой-то газете, я написал ответ, это был *единственный* случай в моей жизни, что я заступился за себя и за свое произведение. [...] Белинский тоже обругал мою книгу»¹. Упоминаемый Некрасовым ответ, скорее всего, не существовал. Вероятно, имелся ввиду другой ответ Межевичу, написанный Некрасовым летом 1841 г. и совсем по другому поводу, — в это время развивалась полемика журнала «Пантеон русского и всех европейских театров», в котором сотрудничал Некрасов, и «Северной пчелы», где в то время начал публиковаться Межевич. Реакция Некрасова на эту рецензию воспоследовала, но не в форме письма или ответной статьи, а в виде художественного текста. Рецензия Межевича появилась самой первой и стала, по сути, ключевой в определении доминант литературного поведения Некрасова на ближайшие годы. Прежде чем мы обратимся к этому тексту, рассмотрим рецензию и фигуру ее автора.

Родившийся в 1814 г. (по другим сведениям — в 1812 г.) в Москве, Межевич окончил в 1832 г. словесное отделение Московского университета, в первой половине 1830-х гг. сотрудничал в «Телескопе» и «Молве». В это время он знакомится с Белинским. В январе 1839 г. Межевич переезжает из Москвы в Петербург, чтобы по приглашению Краевского занять место критика в «Отечественных записках». Вскоре после приезда в Петербург Межевич начинает редактировать газету «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» и только что появившийся

¹ Н.А. Некрасов, *Собрание сочинений в 15 т.*, т. 13, кн. 2, Наука, Москва 1997, с. 58. Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам цитируемых произведений.

журнал «Репертуар русского театра». Сотрудничество же с «Отечественными записками» прекратилось довольно скоро: Краевский остался недоволен первой статьей критика — обзорением *Русская литература в 1838 году*, и пригласил на его место Белинского. Как вспоминает Авдотья Панаева, «приезд Белинского в Петербург и его непосредственное сотрудничество в 'Отечественных записках' обидели Межевича; он не мог рассчитывать на работу в журнале, как и прежде, и перебежал к Булгарину»².

Действительно, бывший критик «Отечественных записок», продолжая формально оставаться сотрудником изданий Краевского, в частности, публикуя свои статьи в «Литературной газете», не позднее весны 1840 г. начал втайне сотрудничать в «Северной пчеле». Укажем, что отношение Булгарина к Межевичу было поначалу довольно враждебным: редактор «Северной пчелы» все еще воспринимал его как человека, близкого Краевскому.

В своей рецензии на *Мечты и звуки* Межевич недвусмысленно ставит стихотворения Некрасова в ряд произведений, не представляющих собой никакого явления в литературе: «В том-то и заключается особенность подобных г. Н.Н. поэтов и вообще писателей, что они суть *ничто* до-тех-пор, пока не издадут полного собрания своих сочинений: тогда они становятся *ничто*»³.

Для подтверждения своих мыслей о литературных «достоинствах» сборника Межевич прибегает к пародированию стихотворений Некрасова. Вполне возможно, что именно эта пародия стала тем, что заставило Некрасова с обидой вспоминать об указанной рецензии до конца жизни. Завершается же рецензия напутствием молодому поэту: «Со временем, мы уверены, он [...] оставит перо стихотворца, не станет увлекаться *мечтами*, а скорее посвятит себя занятиям дельным, предастся наукам — и будет гражданином полезным»⁴. Именно в рецензии Межевича возникает оппозиция, которая станет заглавием стихотворения, открывающего дебютный сборник Некрасова в 1856 г.

Ответом же на эту статью стал рассказ, написанный Некрасовым, по всей вероятности, летом 1840 г. и озаглавленный *Без вести пропавший пишта*⁵. Рассказ заметно выделяется среди

² А.Я. Панаева, *Воспоминания*, Правда, Москва 1986, с. 108.

³ В.С. Межевич, *Мечты и звуки. Стихотворения Н.Н.*, «Литературная газета» 1840, № 16, с. 3.

⁴ Там же.

⁵ Рассказ был опубликован в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (1840, № 9, с. 66–84) с подзаголовком *Рассказ Н.А. Перепельского*.

всего, что было создано Некрасовым на протяжении 1840 г. Произведение отличает отчетливая автобиографичность. В рассказе присутствуют и черты реального быта молодого Некрасова, в том числе упоминаемые мемуаристами, как, например, эпизод с добыванием чернил из ваксы для сапог⁶. Действие рассказа, отнесенное автором к 182* г., построено вокруг визита к молодому литератору Науму Авраамовичу, пытающемуся заработать денег литературным трудом и обремененному многочисленными долгами, провинциального поэта «из Чебахсар» Ивана Ивановича Грибовникова. Иван Иванович считает Наума Авраамовича известным и преуспевающим столичным писателем, способным открыть ему пути к литературной славе. Тот же изо всех сил пытается переубедить Грибовникова в этом мнении, и более того, отговорить его от занятий литературой вообще. И только когда к Науму Авраамовичу приходит квартирная хозяйка с кредиторами, чтобы забрать за долги его и без того небогатое имущество, Грибовников тихо исчезает из квартиры литератора, оставив ему ворох своих рукописей. Для Наума Авраамовича все кончилось благополучно — неожиданно, почти как в водевиле, появляется его дядюшка и оплачивает все его долги. Вот только Грибовникова Наум Авраамович найти так и не смог.

В рассказе нетрудно увидеть два типа литературного поведения (подражающий романтической традиции поэт и литератор, зарабатывающий поденной журнальной работой), которые сам Некрасов последовательно сменяет после приезда в Петербург. Что немаловажно, смена эта происходит на протяжении 1840 г., когда и написан рассказ.

В то же время в рассказе можно увидеть и скрытую полемику с критическими отзывами на сборник *Мечты и звуки*. Исследователи отмечали наличие в произведении скрытой полемической реакции как на статью Белинского о первой книге Некрасова⁷, так и на рецензию Межевича⁸. Так, например, Борис

⁶ А.Я. Панаева, *Воспоминания...*, с. 206; Н.В. Успенский, *Из прошлого. Воспоминания*, Русский книжный магазин, Москва 1889, с. 5.

⁷ См.: В.А. Егоров, *Рассказ Некрасова «Без вести пропавший пиита» в литературной полемике начала 1840-х годов // А.М. Гаркави (ред.), Некрасов и его время. Межвузовский сборник*, вып. IV, Калининградский государственный университет, Калининград 1979, с. 118–119.

⁸ Б.В. Мельгунов, *Комментарии // Н.А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем в 15 т.*, т. 7, Наука, Ленинград 1983, с. 542–543.

ОТ ПОЭТА К ГРАЖДАНИНУ...

Мельгунов видит полемику с рецензией Межевича в реплике Наума Авраамовича, обращенной к Грибовникову: «О самой книге и говорить нечего, подобные ценители закидают ее сором, втопчут в грязь и в доказательство беспристрастия своего приговора скажут только: ведь и мы можем написать так же», замечая, что эти слова являются откликом на пародирование стихотворений Некрасова критиком⁹.

Как нам кажется, полемика со статьей Межевича не ограничивается лишь отдельными аллюзиями и занимает значительно более важное место в смысловом целом рассказа.

На протяжении всего разговора с Грибовниковым Наум Авраамович настойчиво рекомендует ему перестать писать стихи, полностью уйти от литературы:

— Оставьте-ка лучше вовсе свое намерение.

— Ни за что! Я не изменю своему призванию: Аполлон и девять сестер, именуемых музами, что на греческом наречии значит...

— Знаю, знаю. А я бы лучше советовал приняться за что-нибудь другое...

— Нет, лучше соглашусь довольствоваться тысячью рублями годового продукта для поддержания брэнной жизни сей, — произнес он с усилием, как будто делая величайшее пожертвование.

— Право, лучше поступите в статскую службу.

— Но небезызвестно вам, Наум Авраамович, что на первый раз жалование слишком недостаточно. 300 рублей с копейками...

Я внутренне усмехнулся.

— Но уверяю вас, что и поэзия не больше принесет вам.

[...]

— Вы поэт, — сказал я, — поэт оригинальный, самостоятельный, каких еще не являлось у нас; вы бы могли произвести переворот в литературе; не послушайте меня... не печатайте того, что написано, не пишите больше.

— Как! — вскричал поэт. — Вы сознаете во мне дарование и советуете мне в самом цвете, в самой силе схоронить его в могиле?

— Ограничьтесь тесным кругом служебной деятельности, живите для счастья своего и нескольких избранных друзей: жизнь ваша потечет тихо и спокойно [...]. Поверьте, это есть именно то, к чему мы должны стремиться. Труден и неблагодарен жребий литератора¹⁰.

Но ведь то же самое советует Некрасову и Межевич! При этом совет отказаться от литературной деятельности дает не только Наум Авраамович Грибовникову. В самом начале рассказа такой

⁹ Там же, с. 546.

¹⁰ Н.А. Некрасов, *Без вести пропавший пиита* // того же, *Полное собрание...*, т. 7, с. 52, 59.

же совет получает и Наум Авраамович от своего слуги Ивана: «Да что, сударь, бросили бы свое писание, коли не везет; испробовать бы другой карьеры...». Наум Авраамович на это отвечает: «Ты опять за свое. Этого не будет, я уж сказал. Вот бы ты подумал, как достать чернил»¹¹.

Наум Авраамович не бросит занятия литературой, несмотря на то, что никакой прибыли они ему не приносят, а, напротив, вгоняют в долги. Первоначально не делает этого и Грибовников, однако, увидев пришедших кредиторов, убегает, забывая как о своих рукописях, оставленных в квартире Наума Авраамовича, так и о какой-либо литературной деятельности в будущем. Но сам Наум Авраамович, каким мы видим его в финале рассказа, от литературного труда совсем не отказывается.

Таким образом, в рассказе дважды появляется тема того совета, который ранее получает сам Некрасов от Межевича. И вместе с данной темой возникают два варианта реакции на этот совет — уйти из литературы или остаться в ней. Некрасов, подобно Науму Авраамовичу, выбрал второй путь. Но итогом такого решения становится необходимость изменений как в эстетической системе, так и в литературном поведении. К концу 1840 г. относится уже довольно активное сотрудничество Некрасова в журнале Федора Кони. Это становится следствием его собственного выбора не отказываться от литературной деятельности; выбора, который перед ним был поставлен, в том числе, и статьей Межевича, где в качестве альтернативы ему было предложено «заняться науками и стать гражданином полезным». Практически перед тем же вариантом ставит Грибовникова и Наум Авраамович — поступить в статскую службу, но очевидно, что эта дилемма стоит и перед самим героем рассказа. Возникает оппозиция пути поэта и пути гражданина, хотя еще и не в том смысле, в каком она возникнет в стихотворении 1856 г. Здесь путь гражданина понимается как путь частной жизни, но жизни полезной обществу, на чем настаивает в статье Межевич. Вопрос этот был решен и Некрасовым, и его героем в пользу литературного творчества, но творчества с иными эстетическими принципами, поиск которых Некрасовым будет продолжаться в ближайшие годы.

Рефлексия Некрасова над темой выбора модели литературного поведения появляется на протяжении всех 1840-х гг. Эта

¹¹ Там же, с. 44.

тема возникает в неоконченном романе *Жизнь и похождения Тихона Тростникова*, в первой части которого можно увидеть во многом автобиографическую историю приезда в Петербург молодого поэта.

Очень важным этапом, предопределившим возвращение Некрасова к поэзии, становится статья *Русские второстепенные поэты* (1850), которая, кажется, не имеет прямого отношения к собственному некрасовскому творчеству. Но в ней он рассматривает текущее состояние русской поэзии и говорит о необходимости поиска нового поэтического слога, потому что тот поэтический стиль, который в ней господствовал, исчерпал себя и более уже не может быть продуктивным. Некрасов ставит здесь своего рода теоретический вопрос о необходимости изменения поэтики. На этот вопрос, как писать по-новому, он пытается ответить именно в момент написания статьи.

Завершением некрасовской рефлексии над данной темой становится стихотворение, в котором эта оппозиция выносится в заглавие — *Поэт и гражданин*. Стихотворение непосредственно связано с публикацией сборника Некрасова в 1856 г., по сути — первой книги, если не считать неудачный дебют с *Мечтами и звуками*. Некрасов не хотел выпускать сборник без этого стихотворения, которое его открывает и даже помещено на страницах с отдельной пагинацией. Это свидетельствует о важности для Некрасова этой темы именно в связи со своим возвращением к поэтическому творчеству.

Если публикация *Без вести пропавшего пииты* обозначает момент отказа Некрасова от поэтического творчества, то стихотворение *Поэт и гражданин* становится знаком погружения в поэзию. Поэтому рассматривать это стихотворение имеет смысл только в контексте рассказа 1840 г.

Поэт и гражданин является зеркальным отражением *Без вести пропавшего пииты*. Если в рассказе оба героя получают совет уйти из литературы, то в стихотворении Гражданин призывает Поэта вернуться.

Интересно также обратить внимание на стиль высказывания героев в обоих произведениях. В *Без вести пропавшем пиите* речь Грибовникова напоминает пародию на возвышенный поэтический стиль, тот стиль, которым писал сам Некрасов в *Мечтах и звуках*. Речь же Наума Авраамовича, — напротив, приближена к разговорной. В *Поэте и гражданине* ситуация обратная: язык Гражданина возвышен, в нем часты тропы и церковнос-

лавянизмы. Именно он цитирует Пушкина: «Мы рождены для вдохновенья, // Для звуков сладких и молитв»¹². Его речь ориентируется на возвышенный поэтический слог, заданный как в поэзии Пушкина, так и в более ранней стихотворной традиции. Тот самый слог, который Некрасов в статье *Русские второстепенные поэты* называет уже истершимся, автоматизированным, более невозможным для русской поэзии. В то же время речь Поэта, вопреки ожиданию, начинается в стилистически сниженном регистре: «Прибавь хандрит и еле дышит// И будет мой портрет готов». В конце стихотворения его стиль возвышается («...в былые годы / Куда ретив был мой пегас»). При этом, становясь более «поэтическим», язык Поэта не достигает той возвышенности, как у Гражданина, но и остается наполненным «прозаизмами» («Не розы, я вплетал крапиву// В его размашистую гриву»). И на уровне стиля, и на уровне тематики высказывания финальный монолог Поэта представляет собой синтез двух позиций — поэтической и гражданской: ты говоришь, что я должен стать гражданином, но я уже был гражданином и вот, что из этого вышло. По сути, в финальном монологе Поэта снимается оппозиция «поэт–гражданин», заданная Межевичем в его статье, причем снимается как на уровне литературного поведения, так и на уровне поэтики, теоретическим осмыслением которой стала статья *Русские второстепенные поэты*. Для Некрасова эта оппозиция более неактуальна.

В двух произведениях — рассказе *Без вести пропавший пиита* и стихотворении *Поэт и гражданин* — Некрасов использует для рефлексии над выбором своего литературного поведения диалогическую форму, при этом вопрос о стратегии литературного поведения переносится в плоскость полемики героев. Поэтому стихотворение *Поэт и гражданин* нельзя воспринимать как авторский манифест. Оба произведения представляют собой не столько результат рефлексии над собственной идентичностью как поэта, сколько сам процесс такой рефлексии. На механизме этого размышления стоит остановиться подробнее. При его рассмотрении можно обратиться к методологии описания идентичности, представленной Джорджем Гербертом Мидом¹³.

¹² Здесь и далее стихотворение *Поэт и гражданин* цитируется по изданию: Н.А. Некрасов, *Полное собрание сочинений...*, т. 2, с. 5–13.

¹³ G.H. Mead, *Mind, Self and Society*, The University of Chicago Press, Chicago 1972, с. 173–178.

ОТ ПОЭТА К ГРАЖДАНИНУ...

Согласно этой методологии, идентичность человека (*Self*) имеет две составляющие: *I* — тот собственный образ, который человек создает сам для себя, и *Me* — те ожидания, которые к человеку предъявляют другие.

В обоих названных произведениях Некрасов занимает особую позицию по отношению к этим двум сторонам своей идентичности. Если в реальной ситуации человек находится как бы между *I* и *Me*, то роль автора художественного произведения позволяет занять другую позицию внаходимости по отношению к этим двум составляющим.

В *Без вести пропавшем пиите* позиции *I* соответствует автобиографическая фигура Наума Авраамовича, позиции *Me* — фигура поэта-графомана Грибовникова, который, как видно из заглавия, в итоге пропадает без вести.

В *Поэте и гражданине* позиции *Me* соответствует Гражданин, а позиции *I* — Поэт. Но в итоге Поэт, синтезируя обе позиции и на уровне литературного поведения, и на уровне поэтики, совмещает *Me* и *I*, обретая целостную идентичность.

Таким образом, на протяжении 1840-х гг., начиная со статьи Межевича, перед Некрасовым стоит проблема выбора литературного поведения, проблема, которую Борис Эйхенбаум в своих статьях о теории литературного быта назвал вопросом «как быть писателем»¹⁴. Этот вопрос решается Некрасовым на поле художественного текста, когда произведение создается именно с целью разрешения стоящей перед автором задачи.

Wsiewołod Łazutin

OD POETY DO OBYWATELA I ODWROTNIE: TEKST ARTYSTYCZNY
JAKO POLE REFLEKSJI ESTETYCZNEJ NIKOŁAJA NIEKRASOWA

Streszczenie

W artykule omawiana jest jedna z kluczowych dla twórczości Nikołajaja Niekrasowa opozycji — „poeta vs. obywatel”. Wbrew przyjętej opinii opozycja ta pojawia się po raz pierwszy nie w wierszu *Poeta i obywatel* (*Поэт и гражданин*) z 1856 r., lecz o wiele wcześniej, w związku z publikacją pierwszego tomu poetyckiego Niekrasowa *Marzenia i dźwięki* (*Мечты и звуки*). Wspomniana opozycja występuje w recenzji tomu napisanej przez Wasilija Mieżewicza.

¹⁴ Б.М. Эйхенбаум, *Гоголь и «дело литературы»* // того же, *Мой современник. Маршрут в бессмертие*, Аграф, Москва 2001, с. 88–92.

Opozycja „poeta vs. obywatel” staje się dla Niekrasowa na wiele lat tematem do rozmyślań. Podejmuje on ten problem w kilku tekstach artystycznych, w których powraca do sytuacji związanej z niepowodzeniem swojego pierwszego tomu. Cykl refleksji zamyka w 1856 roku wiersz *Poeta i obywatel*, w którym opozycja kluczowa dla wczesnej twórczości Niekrasowa zostaje zniwelowana.

Vsevolod Lazutin

FROM POET TO CITIZEN AND VICE VERSA: THE LITERARY TEXT
AS THE FIELD FOR NIKOLAY NEKRASOV'S AESTHETIC REFLECTION

Summary

The article examines one of the key oppositions for Nikolay Nekrasov's art: "poet vs. citizen". Contrary to popular opinion, this opposition appears not in the Nekrasov's poem of the same name in 1856, but much earlier, in during the publication process of his first verse book *Dreams and Sounds*. It appears in a critical essay on the young poet's debut collection, which was written by journalist Vasily Mezhevich. This opposition becomes a topic of long-term thinking for Nekrasov. This reflection develops in some literary texts, where Nekrasov repeatedly simulates the situation related to the failure of his first book. The cycle of reflection completed in 1856 with a poem *Poet and Citizen*, in which the opposition was removed.